

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

**ВЫЧИСЛИТЕЛЬ
ЯЗЫЧНИК
ОРБИТА ДЛЯ ОДНОГО**

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г87

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Громов, Александр Николаевич.
Г87 Вычислитель ; Язычник ; Орбита для одного : [трилогия] / Александр Громов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-699-97176-3

Впервые трилогия о «Вычислителе» под одной обложкой!

Далекое будущее. Планета изгнанников, почти полностью покрытая водой...

Десять заключенных, приговоренных к высылке, пробираются к легендарным Счастливым Островам, где можно прожить, не опасаясь ни полиции, ни кровожадных тварей-«язычников». С самого начала изгнанники делятся на два отряда. Первый возглавляет матерый уголовник Юст Ван Борг. Второй — Эрвин Канн, человек, известный всей Галактике как Вычислитель...

В 2014 году по роману «Вычислитель» был снят одноименный фильм. В главных ролях Аня Чиповская и Евгений Миронов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97176-3

© Громов А.Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Глава 1

ИЗГНАННИКИ

Если бы кому-нибудь взбрело на ум отведать здешней воды, он несомненно нашел бы, что она горька, имеет внятный тухлый привкус и вдобавок заметно солоновата — не настолько, чтобы ее совсем нельзя было пить, однако вполне достаточно, чтобы напрочь отбить такое желание у любого, кто не издыхает от жажды.

И вид воды тоже не радовал глаз. Вдавлив кружку или котелок в упругий ковер из переплетенных растений, жаждущий мог нацелить порцию бурой от торфяной взвеси жижицы, часто с маслянистой пленкой на поверхности и всегда с полчищами суесящихся крошечных организмов, совершенно безвредных, но вызывающих омерзение даже у не слишком брезгливого человека.

Бредущий по болоту не умер бы от жажды, не имея при себе опреснителя или фильтра с ионообменником, совсем нет. Более того, потребление солоноватой воды не грозило его здоровью по меньшей мере в течение нескольких недель, а что до неприятных ощущений, то это, как водится, дело сугубо личное и мало кому интересное. Равным образом никого и никогда не интересовало, грозило ли бы обезвоживание организма тому, кто проведет на болоте свыше нескольких недель. Не интересовало просто потому, что прожить на болоте столь долго — уже из разряда невероятных чудес, требующих столь же невероятного везения, и вода тут совершенно ни при чем.

Легенды были, да. Но не статистика. Ни на Хляби, ни на любой другой планете, освоенной людьми, статистика не оперирует категориями невероятного.

Большой автобус без окон, со значком департамента юстиции на борту низко протянул над плоским берегом, погасил скорость возле вышки энергоизлучателя, убрав антиграв и с коротким скрежетом опустился на щебнистую почву. Судя по скучной невыразительности полета и посадки, управлялся он киберпилотом,

давным-давно нащупавшим оптимальную последовательность маневров на данном маршруте и не склонным экспериментировать. Чмокнув, лопнула дверная мембрана. Подобно дразнящему языку выдвинулся и лег на щебенку трап.

Те, кто вышел из автобуса, четко делились на две категории: люди с оружием и невооруженные. Последние были скованы между собой наручниками в длинную цепочку. Их было десять: семеро мужчин и три женщины, одетых в тюремную униформу — тяжелые башмаки, черные обтягивающие штаны, мешающие чересчур быстрой ходьбе, не говоря уже о беге, черные тюремные робы с большим белым кругом на спине, светящимся и в темноте, однако же не настолько ярко, чтобы помешать прицеливанию.

Одна из женщин всхлипывала. Мужчины угрюмо молчали. Кружилась и лезла в глаза мошкара.

По знаку старшего в команде, немолодого плотного служаки со скромными нашивками лейтенанта и лицом кирпичного цвета, конвойные рассыпались цепью и взяли оружие на изготовку. Пусть у осужденных нет ни малейшего шанса избежать наказания, в деле исполнения приговора случается всякое. Кто-то может вообразить, что умереть, попытавшись убить другого, — легко.

Первым от человеческой гирлянды отцепили ничем не примечательного мужчину лет тридцати пяти. Подтолкнув в спину — мимо вышки, к болоту, начинавшемуся шагах в ста, — сообщили сиплой скороговоркой:

— Туда. Пройти двадцать шагов, повернуться, ждать. Марш.

Мужчина потер запястье. Оглянулся через плечо.

— Кордонный невод снят?

— Специально для тебя оставили, — ухмыльнулись сзади. — Пошел, умник. Других задерживаешь.

Мужчина сделал шаг. На втором шаге он по-футбольному пнул носком ботинка кучку мелкого щебня — веером брызнули камешки. В трех шагах впереди они наткнулись на что-то невидимое, взвизгнули и повисли серым облачком. На землю посыпался песок.

— А я думал, что на Хляби смертной казни не существует, — кротко произнес мужчина. — Я ошибался?

— На вышке! — гаркнул служака, задрал к небу кирпичное лицо. Наверху показалось другое лицо, не кирпичное, заспанное. — Спишь? Гауптвахты захотел? Почему не снял кордон?

— Виноват, — отчаянно пискнули сверху. — Э... на болоте замечено движение, господин лейтенант.

— Врешь, как всегда. — Кирпичный служака презрительно сплюнул под ноги. — А хоть бы и так — что мне твое движение? Живо снимай кордон. Жду три секунды, о четвертой пожалеешь.

— Готово, господин лейтенант.

— Отставить словоблудие! Как положено рапортовать?

— Кордонный невод снят, господин лейтенант.

Несколько мгновений служака зло сопел, в то время как отделенный от гилянды мужчина смотрел на него с ироническим сочувствием. Затем осужденный получил тычок промеж лопаток и разом проскочил место, где еще висела пыль от камешков. Из того, что он остался цел, а не был расчленен на тысячу-другую кусочков, можно было заключить, что теперь кордон и вправду временно отключен.

Только для пропуска приговоренных.

— Двадцать шагов вперед. Повернуться, ждать.

Мужчина послушно выполнил требуемое.

Следующей отцепили полную низенькую женщину средних лет. Получив ту же команду, Кубышечка завертела головой на короткой шеенке, как бы что-то высматривая, и, видно, не высмотрела, поскольку, округлив и без того круглые от природы глаза, спросила кирпичнолицего:

— А... где космодром?

Лейтенант сделал ленивое движение, отчего голова женщины мигом втянулась в плечи.

— Марш.

— Меня ведь... к изгнанию, — плаксиво проговорила Кубышечка, пятясь от кирпичнолицего мелкими шажками. — К изгнанию только... — Она всхлипнула, готовая разрыдаться. — Я ведь не здешняя, я туристка, меня вообще по ошибке... Я думала... космодром...

Еще одно ленивое, но со значением движение лейтенанта — и она пошла, семена коротенькими тумбами ног, часто оглядываясь через плечо с ужасом и надеждой.

С остальными проблем не возникло. С каждым раскованным укорачивалась человеческая цепочка. Каждый получал и безропотно исполнял однообразную команду: пройти двадцать шагов за кордон, повернуться, ждать. Последний, крупный мужчина со стрижкой ежиком, демонстративно сплюнул лейтенанту на ботинок и, против ожидания, не получил в ответ ни порции брани, ни тычка стволом лучемета под ребра. Кирпичнолицый лейтенант, сам чем-то похожий на этого осужденного, лишь благодушно ухмыльнулся:

— Полегчало, Юст? Ну иди, иди, не задерживай людей.

Теперь цепочка выстроилась вновь — в двадцати шагах за незримым барьером, в ста шагах от нечеткой береговой линии. Двое солдат с некоторым усилием выволокли из автобуса большой металлический ящик и, занеся его за барьер, поспешно отступили назад. Глядя вверх, лейтенант буркнул: «Давай», — и лишь через несколько секунд, когда голос солдата с вышки доложил о вос-

становлении кордонного невода, лениво наклонился, стер пучком жесткой травы плевки с носка ботинка и небрежным движением швырнул пучок перед собой. Чуть дохнувший ветерок подхватил и понес травяную крошку.

— Так, — негромко произнес тот, кого расковали первым. — Отрезано.

Вряд ли лейтенант его слышал. А если и имел тонкий слух, то обратил на слова осужденного еще меньше внимания, чем на едва слышное гудение кордонного невода.

Оставалось покончить с последней рутинной процедурой.

— Канн Эрвин, — на одном выдохе проорал он в жестяной рупор, — Отлок Мария, Хольмер Джоб, Касада Хайме, Вейденрих Матиас, Дашиева Лейла, Обермайер Ян, Бузенко Валентин, Шульц Анна-Кристина, ван Борг Юст! — Он перевел дух и продолжал: — Именем народа и правительства Хляби за совершенные вами преступления вы приговорены судом к высшей мере наказания, существующей на нашей планете: изгнанию. Приговор вступает в силу в данную минуту.

Кубышечка охнула. Остальные молчали. У одного из осужденных по лицу пробежала короткая судорога. Лейтенант энергично прочистил горло, сплюнул и заговорил вновь:

— Ящик — ваш. Хотя, по мне, нет смысла на вас тратить, но по закону изгнанники должны быть обеспечены необходимым минимумом пищи и снаряжения. У вас десять часов на то, чтобы убраться с материка. Тот, кто останется на берегу свыше этого времени, будет сожжен. За полчаса до срока дадим сирену. Счастливые острова строго на восток, порядка трехсот километров через Саргассово болото. Удачи я вам не желаю. — Он повернулся и зашагал к автобусу.

— Подождите! — с привизгом закричала Кубышечка. — Почему здесь? Изгнание — это же с планеты! Я... я требую доставить меня на космодром!

Лейтенант не обратил на нее никакого внимания. Конвойные солдаты, переставшие держать приговоренных под прицелом после включения кордона, заухмылялись.

— На Хляби власти удовлетворяются изгнанием опасных преступников из социума, — пояснил первый раскованный, — это дешевле и эффективнее.

— Но я должна улететь отсюда!

— Попытайся, — мужчина пожал плечами, — если умешь летать. Кстати, — обратился он ко всем, — нам надо познакомиться. Фамилии и прегрешения перед законом предлагаю опускать. Я Эрвин. Ты, — он скосил глаз в сторону Кубышечки, — Мария. Кто еще хочет назвать себя?

— Завянь, мальчик, — с величавой ленцой проговорил тот, кого расковали последним. — Я — Юст. Кто-нибудь тут меня не знает?

— Юст ван Борг, более известный как Полярный Волк. — Эрвин кивнул, и легкий шорох прошел среди приговоренных. — Как же, слышали. Но я думал, тебя убили, когда брали Пантеру Хабиба.

— Заткни пасть, я сказал. Будешь говорить, когда я разрешу. Твое имя, шкет? — Палец с палладиевым кольцом, украшенным геммой с изображением оскаленной волчьей морды анфас, указал на вертлявого парнишку лет семнадцати.

— Хайме, — с готовностью ответил тот. — Э... Хайме Касада из братства Савла. Счастлив встретиться, Волк!

— Зато я не очень счастлив, — покривил губы Юст, глядя на парнишку насмешливо. — Прежде в братстве Савла таких сопляков не водилось. За что схлопотал вышку?

— За мокрое дело, Волк... Случайное.

— Ну и сдохнешь теперь. Ты? — Палец с кольцом ткнулся в грудь молодого мужчины, низенького и пухлого. Тот вздохнул.

— Валентин Бузенко. Обвинен в шпионаже в пользу Земли... и Лиги. Ложно обвинен.

— И Земли, и Лиги? Важная фигура... — Полярный Волк комически искривил углы рта. — Тоже сдохнешь.

Как бы в ответ на его слова болото всхлипнуло. Шагах в двухстах от берега вырос бурый горб, по всколыхнувшейся поверхности болота побежали прочь от него кольцевые неспешные волны. Истошно завизжала Кубышечка. Прорвавшись на вершине, горб осел, зато из разрыва взметнулся в серое небо длинный лиловый язык или, может быть, щупальце — покачался туда-сюда, затем одним быстрым движением обшарил пространство шагов на пятьдесят вокруг себя и с сочным хлопаньем уполз обратно. Болото успокоилось. Видно было, как понемногу затягивается дыра в растительном ковре.

— Язычник, — пояснил Эрвин.

— Что? Кто? — Истратив на визг запас воздуха, Кубышечка поперхнулась, со всхлипом вдохнула и закашлялась, давась мошкаррой.

— Язычник. Так зовут эту тварь. Языкастая потому что. Что-то близко от берега. Пари держу, там яма.

— Много их тут? — нервно спросил мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, утирая рукавом залысый череп.

— Хватает. Этот еще маленький.

— Как же мы дойдем до этих... как он назвал? До Счастливых островов?

— Никак, — мрачно отозвался чернявый живчик помоложе. — Передохнем по пути. Да и нет никаких Счастливых островов, сказки это.

— Кажется, я велел всем назваться, — негромко обронил Юст.

— Не ты, а он. — Рыжеволосая девушка указала на Эрвина. — Только не велел, а предложил. — Демонстративно повернувшись к Эрвину, она назвала себя: — Анна-Кристина.

— Я буду звать тебя Кристи, — сказал Эрвин.

— Это имеет значение?

— Так короче. На болоте все имеет значение, в особенности лишние четверть секунды.

— Закрой хайло, ты, ублюдок! — Не сводя с Эрвина пристально-го взгляда, Юст подался вперед. — Будешь делать то, что я скажу, иначе... — Движение желваков должно было показать строптивцу, как с ним может быть «иначе». — Уразумел или помочь?

— Помочь. — Эрвин ухмыльнулся.

Угрожающе оскалившись, Юст двинулся к нему. Волк волком. Шевельнулся и Хайме — с явным намерением зайти со спины. Кое-кто отшагнул назад, не желая вмешиваться.

— Между прочим, — вразумляюще сказал Эрвин, — разборки среди осужденных квалифицируются как попытка помешать исполнению приговора суда. Во всяком случае, до тех пор, пока мы маячим в пределах прямой видимости. Солдаты обязаны вмешаться. Хочешь получить в задницу снотворную капсулу, Юст? Можешь поспать, впереди у тебя еще почти десять часов...

— А потом тебя поджарят, — плотоядно улыбнулась Кристина, мотнув рыжей прядью. — Будет жареная волчатина. А из этого гаденьша, — указала она на Хайме, — жареная крысятина.

Юст Полярный Волк подвигал желваками, но ничего не сказал и отступил на шаг. Конвойные солдаты удобно расположились на граните, с ленивым любопытством наблюдая за приговоренными. Некоторые поднялись на наблюдательную площадку вышки.

— Сейчас для них начнется самое интересное, — вполголоса буркнул Эрвин.

— А что? — спросила Кристина.

— Будем делить снаряжение.

Круто повернувшись, Эрвин направился к металлическому ящику. Было ясно видно, что свою долю он не уступит никому, даже Юсту, и лишь во избежание свары хочет оказаться у ящика первым.

Глава 2

БЕРЕГ

Избежать свары все-таки не удалось. До поножовщины не дошло, и то ладно. Хотя среди того, чем департамент юстиции пожелал снабдить осужденных, ножи как раз имелись — десять дешевых

изделий охотничьего образца в ножнах со шнурками для ношения на шее. Кроме того, ящик скрывал в себе десять легких рюкзачков, трехдневный запас пищевых брикетов в расчете на десятерых, сто-метровый моток прочной веревки, два топорика на пластмассовых рукоятях, десять пластмассовых же мисок, десять «вечных» зажига-лок, два фонарика и компас.

Один захваченный нож Эрвин тут же сунул Кристине, другим взрезал штаны по швам на внутренней стороне бедер. Когда он по-кончил с этим делом, к ящику было уже не протолкаться: каждый спешил урвать как можно больше. Семь человек сопели, ругались, визжали, пытались отшвырнуть друг друга. Восьмой, громадный костлявый старик с пышной седой гривой, стоял в сторонке, гля-дя на копошащуюся человеческую кучу со снисходительным со-чувствием.

— А ты, дед, что же? — спросил его Эрвин.

— Сильные отнимут у слабых, — отозвался тот густым звучным голосом. — Затем сильнейшие отнимут у сильных. Так хочет Го-сподь, так тому и быть вовеки.

Эрвин улыбнулся углом рта.

— Где-то я это уже слышал. Не в церкви ли Господа Вездесу-щего? Миссионер с Осанны, надо полагать? За проповеди и загре-мел, паства заложил? Что ж не продолжаешь? Насчет того, что впоследствии хитрейшие отнимут у сильнейших, и это также угод-но Богу?

— Господь Вездесущий пребывает повсюду, — был ответ. — Нет в мире ни былинки, ни частицы вне Господа нашего, ни толики ма-лой. Ни мысли, ни поступка, ни шевеления бесцельного, ни дро-жи на холоде, ни пота в жару. Бог в каждом человеке во веки ве-ков, аминь.

— И поэтому любой поступок человека угоден Богу, следова-тельно, оправдан? — с иронией спросил Эрвин.

Глаза старца гневно вспыхнули.

— Богомерзкая ересь сочится из уст твоих! Любой поступок че-ловека и есть поступок Бога!

— В том числе приговор суда?

— Господь посылает мне испытание, — с неколебимой твер-достью отвечал старик. — Он же пошлет мне спасение ради несения света истины заблудшим душам, погрязшим в неверии и ереси!

— Ты Ян Обермайер по кличке Скелет, — сказал Эрвин. — Я слышал о тебе. Зря ты заявился на Хлябь, у нас твоя секта под запретом. Или не знал?

— Господь знает, куда посылать своих чад. — Старик величаво отвернулся и стал смотреть на болото.

Тем временем схватка за снаряжение подошла к закономерному концу. Над металлическим ящиком, ухмыляясь, возвышался Юст Полярный Волк, и топорик в его руке грозил всякому, кто дерзнет приблизиться. Ближе других к Волку и тоже демонстрируя неудачникам глумливую ухмылку, замер в хищной позе Хайме Касада. Совершать без приказа пахана лишние движения он не дерзал, ограничившись перебрасыванием ножа из руки в руку — небрежно и не глядя.

Продолжала всхлипывать Кубышечка.

— Зря, Юст, — сказал Эрвин. — Тебе такой вес по болоту не снести, да и ему, — лезвием ножа он указал на Хайме, — тоже.

Юст будто не слышал его. И демонстративно не замечал.

— Вы! — выдохнул он, обращаясь к остальным, и начал цедить медленные слова — словно тянучку жевал: — В первый раз вижу столько слабаков. Саргассово болото сожрет вас в один прием и не заметит. Поэтому тот, кто хочет живым добраться до Счастливых островов, будет слушать меня. Я знаю, как вести себя на болоте, а вы нет. Поняли? Беспрекословно выполнять все, что я скажу. Тогда, может быть, вы останетесь живы. Кто не хочет, пусть убивается. Есть такие?

— Я желаю убраться, — сказал Эрвин. — И она. — Он указал на Кристину и на этот раз заслужил беглый взгляд Полярного Волка.

— Разве я против? Убирайтесь.

— Сперва мы получим свою долю.

— Ну так иди и возьми! — ухмыльнулся Юст.

Эрвин успел сделать лишь один шаг, прежде чем на него кинулся уловивший движение брови Юста Хайме. Легко уклонившись от ножа, Эрвин ударил мальчишку по шее и не дал ему разбить голову о гранит. Со стороны это выглядело так, будто один споткнулся, а другой неловко поддержал его. Хайме взвыл, когда чужая ступня притиснула его запястье к гранитному щебню, но ножа не выпустил. Голос Эрвина остался ровным:

— Не лучше ли тебе поделиться с нами, Юст?

Одно мгновение Полярный Волк колебался — метнуть в Эрвина топорик или уступить? По всему было видно, что он не из тех, кто уступает. Но видно было и то, что он оценил квалификацию невзрачного с виду противника: не диво сбить с ног сопляка, труднее догадаться раньше дележа взрезать швы на обтягивающих тюремных штанах, что скрывают движения не хуже кандалов. Он, Юст, не догадался... Вдобавок еще двое — чернявый живчик и смуглая женщина — отделились от кучки осужденных, легонько наметив заход с тыла.

— Мы тоже хотим получить свое, Волк.

Теперь Юст заговорил без ухмылки:

— Хотите сдохнуть в болоте — дело ваше. Группа может прийти, одиночка — нет.

— Нас двое, — возразил Эрвин, указав на Кристину. — Мы хотим попробовать.

Юст не удостоил его ответом. Хайме дернулся, пытаясь высвободиться, и снова взвыл.

— Мы тоже, — сказал живчик. — Только мы никуда не пойдем, верно, Лейла? Надо быть идиотами, чтобы верить в Счастливые острова.

— Не понимаю, с какой стати нам делиться с самоубийцами? — Юст смачно сплюнул, но наклонился к ящику. Шесть запакowanych в пластик пищевых брикетов полетели в сторону одной пары — шесть в сторону другой. — Подавитесь. Болотные твари жирнее будут.

— Это не все, Юст.

Стуча по камням, к ногам Эрвина покатила зажигалка.

— Вторая.

Снова стук по камням.

— Замечательно, Юст. Я бы назначил тебя старшим по блоку. Теперь два рюкзака, две миски и нашу долю веревки. Кристи, подбери.

На глаз в отрезанном Юстом куске веревки было от силы пятнадцать метров вместо двадцати, но Эрвин не стал спорить.

— Теперь топорик.

— Подавишься.

— Зря, Юст. Заметь, я не требую ни компаса, ни фонарика. Только топорик, и то всего на один час. Потом ты получишь его обратно.

— Я сказал, подавишься!

— Мне кажется, ты боишься. — Эрвин обаятельно улыбнулся. — Всего на один час, Юст. Обещаю.

— Лови!

Умышленный недолет, топорик зазвенел по камням. Прежде чем Хайме успел схватить его и рубануть Эрвина по ноге, оружием завладела Кристи. Юст уже держал наготове второй топорик, но метнуть все же не рискнул.

— Ты добрый человек, Юст...

Лицо Полярного Волка искривила короткая судорога.

— Попадешься ты мне на болоте... Убирайся!

— Сей момент уберусь, — сказал Эрвин, улыбаясь. — Но видишь ли, мне нужно еще кое-что. Этот ящик. Понятно, когда он опустеет.

Кажется, ему все же удалось привести Полярного Волка в некоторое замешательство.